

ем экстенциональном употреблении. Обилие подобных текстов (особенно в СМИ) приводит к изменению интенционального употребления ПИ.

Изменения семантики и функционирования ПИ являются ярким показателем изменения культурной ориентации языкового сообщества и наглядно демонстрируют тесное взаимодействие и взаимовлияние языка и культуры.

С. В. Гусев

Уральский государственный университет

ИЗОБРЕТЕНИЕ КОЛЕСА: ГЕРОИ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА У ИСТОКОВ ПОЗНАНИЯ МИРА

Широкий спектр современных лингвистических и литературоведческих работ, посвященных творчеству Андрея Платонова, объединяет общая тенденция к философскому истолкованию художественного текста, в рамках которой тот или иной набор авторских смыслов представлен как неизменный, онтологический признак платоновского мироздания.

При таком подходе за единицу смыслового анализа принимаются «онтологические схемы действия» (Л. В. Карасев), символы, а также языковые концепты, повлиявшие на формирование понятийного аппарата писателя. Воссоздание авторской модели Бытия является важнейшим звеном научного осмысления литературно-философского наследия А. Платонова. Однако для решения этой задачи требуется, на наш взгляд, выявить не только собственно бытийные, но и познавательные смыслы, которые составляют неотъемлемую часть философской доктрины писателя, рожденной в «работе до крови», «громе машин и потоках электричества». Иными словами, извечное стремление платоновских персонажей «устроить мир заново», «изобрести что-нибудь впрок» относится к познавательным смыслам, поэтому, исключая когнитивный аспект описания, мы рискуем существенно обеднить литературную философию Андрея Платонова.

Так, наивный, детский мифологизм платоновских героев проявляется не только в том, что они не пьют вина, постоянно плачут и вспоминают о матери. Перечисленные критерии легко выявляются на материале крупных произведений писателя (повесть «Котлован», роман «Чевенгур»), однако в более широком контексте они, не теряя своей актуальности, уже недостаточны для воссоздания наивной картины мира. Здесь наиболее характерным «знаком детства» становится «изобретательство», наивное техническое творчество, самозабвенный интерес к устройству предметов и механизмов. Ге-

рои Платонова, надо полагать, изобрели значительно больше устройств и приспособлений, причем широчайшего спектра: от собственной космогонии и межзвездных «эфирных» пространств до карусели, «гонимой мощностью ветра» («Усомнившийся Макар») и «вентиляторного вола» («Ювенильное море»), чем все жители русской литературы реалистического направления, вместе взятые. В отрыве от концепции «детского мифологизма» слова *изобретение*, *устройство* прочитываются в платоновских сочинениях как свернутые предикаты индивидуального и общественного пути познания мира, того пути, который метафорически представлен в названии повести «Происхождение мастера».

Возведя наивное техническое творчество в ранг экзистенциальных мотивов в творчестве Андрея Платонова, мы пытаемся воссоздать авторскую модель познания мира, истоки которого восходят к древнейшему культурному мифу — изобретению колеса.

Т. Н. Дорожкина
Уфа

**ГРАНИ КУЛЬТУРНЫХ И ЛИТЕРАТУРНО-ЯЗЫКОВЫХ ТРАДИЦИЙ
В ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКОЙ СЕМАНТИКЕ
УСТОЙЧИВЫХ ПОЭТИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ**

Разделяя понимание культуры как совокупности достижений человеческих сообществ в сфере создаваемых ими материальных и духовных ценностей и рассматривая этот феномен в соотношении с национальным языком, следует признать, что, прежде всего, лексика отражает культуру — через призму словесного осознания. Лексика, закрепляя, сохраняя и аккумулируя культурно-историческую информацию, в то же время адаптируется к культуре, что проявляется в формировании тех или иных синтагматических, парадигматических и ассоциативных связей, характеризующих каждую словесную единицу.

Эта зависимость отчетливо прослеживается и в эстетически мотивированном функционировании традиционно-поэтических слов с высокой степенью узуальности их символического значения. Не случайно писал, например, И. Анненский в статье «О современном лиризме», что символизм в поэзии — «дитя города», т. е. городской культуры, указав одновременно на словесно-смысловые гнезда, воплощавшие предметную символику урбанизма.

Традиционно-поэтические слова, неизбежно несущие в себе те или иные грани культуры, вместе с тем «оплодотворены» также художественными контекстами, в которых они употреблялись, никогда не выступая в «лингвистически девственном» виде.